

Повесть о царице и львице как памятник переходной эпохи

Рассмотрены художественные особенности популярной в русской книжности Повести о царице и львице, созданной в XVII в. — переходной эпохе от Средневековья к Новому времени¹. Установлено, что в результате изменений, осуществленных редактором, основу произведения составили некоторые сюжетные ходы романа об Оттоне, переведенного в 1670-х гг., изложенные в форме жития-маририи и дополненные мотивами, характерными для волшебной сказки. Показано, что процесс ассимиляции переводных памятников не был простым и что демократический читатель еще не до конца освоил новую функцию литературы — быть развлечением.

Повесть о царице и львице была создана в конце XVII в., который характеризуется сложными, подчас противоречивыми, но тесно связанными процессами, происходившими на фоне церковной реформы Никона и движения раскола. Трудно переоценить влияние этого переломного периода на дальнейшее развитие русской литературы. В России, не знавшей Ренессанса, XVII, а отчасти и XVIII в. стали разделительным периодом между культурными эпохами. Как указывает Е.К. Ромодановская, во второй половине XVII в. в литературе возрастает роль чисто развлекательного чтения, повествующего о вымышленных событиях и вымышленных героях². Изменяется роль фольклора, развиваются народные традиции. Начинают параллельно существовать две жанровые системы: старая средневековая и формирующаяся новая, определившая вектор будущего литературного развития. Увеличивается спрос на беллетристику, о чем, по мнению Д.М. Буланина, красноречиво говорит генерирующая сила переводных повестей³. Количество переводов во второй половине XVII в. по сравнению с первой его половиной возрастает почти в десять раз⁴. Это демонстрирует, что

Россия уже встала на путь европеизации и консервативные силы недолго смогли сдерживать ее движение.

Наиболее примечательным новшеством русской литературы конца XVII в. стали первые образцы рыцарского романа, которые продолжали на Руси самостоятельное развитие. Проблема адаптации и русификации западноевропейского романа вызывает огромный интерес исследователей. Однако здесь следует сделать одно существенное замечание: термин «рыцарский роман» применительно к памятнику XVII в. может быть использован только условно. По наблюдениям А.М. Панченко, в «народных книгах», которые спустя пятьсот лет после возникновения артуровского цикла были переведены в России, остались лишь рудименты рыцарского кодекса⁵. В отличие от классического рыцарского романа, в котором существовало определенное равновесие между возвышенной героикой и экзотическим пространством, в «народной книге» центр тяжести сместился в сторону фантастического антуража. Приключения персонажей выглядят случайными, герои не активны, они не стремятся к действию, они скорее жертвы судьбы, клеветы, изгнанныки. В псевдорыцарском романе нет характера, читатель находил в них не изображение, а описание⁶.

Отметив огромную популярность позднерыцарского, или псевдорыцарского, переводного романа, А.М. Панченко указал, что в оригинальной русской литературе XVII в. создано сравнительно ничтожное количество его аналогов. Исследователь приходит к важному для нас выводу, что этот пробел с успехом заполнялся былиной и волшебной сказкой. Подтверждение тому ученый находит в оригинальных памятниках, использовавших эпический сюжет, где влияние переводного романа невелико, а элементы фольклорной поэтики весьма значительны⁷. Это заключение А.М. Панченко во многом проясняет ме-

ханизм ассимиляции и русификации переводных позднерыцарских романов.

Судьба одного из таких произведений, романа о римском цесаре Оттоне, на Руси интересна тем, что в 1670-х гг. он был переведен с польского языка, а спустя два десятилетия этот же сюжет был использован для создания оригинальной русской повести. Известно 37 списков русского перевода, названного Повестью об Оттоне и Олунде⁸. Но наибольшую популярность у демократического читателя получила русская версия — Повесть о царице и львице, насчитывающая более 200 списков. Повторное обращение к рыцарскому роману свидетельствует, вероятно, не только о популярности переводной беллетристики, но и о том, что Повесть об Оттоне «отталкивала» своей новизной читателя, воспитанного на традициях средневековой литературы. В таком противоречивом восприятии переводного произведения отразился противоречивый характер переходной эпохи.

Основная часть романа-источника посвящена рыцарским и любовным подвигам сына цесаря Оттона — Флоренса, который, отличившись подвигами при нападении египетского султана на французского короля Дагоберта, был торжественно посвящен в рыцари. Казалось бы, темы уже одной своей новизной должны были привлечь внимание русского книжника: это и рыцарские турниры царских детей, и их любовные подвиги и т.д. Однако, как и во многих других подобных произведениях этого времени, рыцарские подвиги были исключены из повествования русским редактором, который значительно ускорил развитие событий, так как опустил большое количество монологов и диалогов, описаний, подробностей. Все эти преобразования проведены им с единственной целью — выделить одну из тем рыцарского романа, показавшуюся ему особенно важной, и сделать ее центром повествования. Автор сосредоточил свое внимание на оклеветанной и изгнанной царице и описании мучений, выпавших на ее долю. В результате русская повесть становится четкой и логичной, а главная тема развивается очень динамично, постоянно находясь в центре внимания автора и читателя.

В Повести о царице и львице рассказывается о приключениях оклеветанной свекровью царицы, изгнанной супругом с двумя сыновьями-близнецами в пустыню, где одного из детей похищает и воспитывает львица.

Вскоре царица с другим ребенком останавливается «у христианина» (в Повести об Оттоне Олунда находит приют у римлянина; по наблюдениям Е.К. Ромодановской, изменение социального облика героя — важная черта русификации переводных памятников⁹). На царство отца изгнанных детей нападает неприятель. Услышав об объявлении войны, оба юноши выходят на поле битвы. После их победы выясняется, что они братья и сыновья царя. Царь посылает за царицей, она возвращается. Повесть кончается прославлением Бога.

Сопоставляя Повесть о царице и львице с ее источником, мы видим последовательно проводимый авторский замысел, обусловивший и объединивший все частные изменения. Его целью было создать на основе занимательного сюжета христианско-дидактическое произведение. Мотив мученичества, разрабатываемый в русской повести, продиктовал использование новой, отличной от жанра романа-источника формы. Создатель русской версии обратился к традиционному жанру жития, функции которого, однако, в XVII в. начали меняться. Житие не было теперь исключительно церковным жанром, а могло быть специально предназначено для чтения. Образованный, начитанный книжник XVII в. использовал хорошо известную ему и его читателям схему мученических житий (житий-маририев, житий-мучений), положив ее в основу композиции своего произведения. Это особенно заметно, если сравнить эпизоды сюжетной схемы раннехристианского мученического жития, охарактеризованной В.П. Адриановой-Перетц¹⁰, с текстом повести.

В житии-мучении один из первых элементов структуры — требование принести жертву языческим богам, которое отказывается выполнять христианин. *В Повести о царице и львице*: требование царя и его матери, чтобы царица призналась в своей супружеской неверности. Царица отказывается выполнять его, так как она невиновна и оклеветана напрасно.

В житии: чудесное исцеление мученика, если его, истерзанного, бросают в тюрьму. *В повести*: царицу с детьми бросают в тюрьму, где она не погибла, хотя и была «истомлена зело от поста и печали».

В житии: «прение о вере» между язычником, представителем власти, и христианином; этот диалог наполняется богословскими рассуждениями христианина и обвинениями его

в волшебстве и чародействе, если мученик во время спора совершает чудеса. *В повести*: во время суда «прение о вере» в невиновность царицы составляет суть диалога между царем и царицей и сопровождается многочисленными обвинениями со стороны супруга. Царица обращается с молитвами о помощи к Богу и Богородице.

В житии: гиперболизированное, иногда до полного неправдоподобия, описание мучений, причем мучимый остается невредимым. *В повести*: царицу оклеветали, бросили в тюрьму, хотели сжечь на костре, изгнали из царства, одного ее ребенка украла львица, с другим она скиталась, до тех пор пока не нашла приют у некоего христианина, в доме которого оставалась долгих пятнадцать лет. Но она остается невредимой, возвращается, ее невиновность доказана.

В житии: посмертные чудеса святого. *В повести*: «прижизненные чудеса» царицы.

Итак, в Повести о царице и львице обнаруживаются все эпизоды, из которых слагалась сюжетная схема жития-маририя. Центральная тема повести выстраивается по канонам жития. Это означает, что сюжет об оклеветанной жене приобрел дидактический характер.

Н.С. Демкова очень точно отметила способность писателей конца XVII в. опираться на традицию только отчасти, по мере ее соответствия замыслу¹¹. Создатель Повести о царице и львице уже мыслил по-новому, обладал авторской свободой, что позволило ему творчески подойти к традиционному жанру. Используя схему жития-маририя, он перевел повествование в другую, почти бытовую плоскость. Например, один из ключевых эпизодов жития — «прение о вере» — в русской повести трансформируется в «прение» о невиновности супруги царя. Основная художественная задача русского писателя состояла в том, чтобы наиболее полно показать христианские добродетели главной героини. Он проводит царицу через целую цепь испытаний, чтобы продемонстрировать ее покорность, кротость, долготерпение и веру.

Своеобразным замещением посмертных чудес служит следующая ситуация. После своего счастливого возвращения царица обращается к царю с просьбой «отпустить осужденных на смерть, и темничным разрешением, и отдати долги должником»¹². Русский книжник констатирует: «И сотворися тако»¹³, то есть в повести присутствует описание

«прижизненных чудес», хотя и в кратком виде. В просьбах царицы кроме того угадывается реминисценция апокрифа «Хождение Богородицы по мукам», в котором мольбы Богородицы о снисхождении к грешникам являются композиционным фокусом сюжета. Апокриф был широко распространен на Руси¹⁴, и демократический читатель XVII в., безусловно хорошо знавший это произведение, мог легко провести параллель, которую подсказывал ему автор, чтобы сделать вывод: царица сострадательна и милостива, как сама Богородица.

Действующие лица Повести о царице и львице приобретают житийную условность. Весьма показателен пример диаметрально различного поведения главных героинь рыцарского романа и русской повести. После того как стало известно, что львица украла ребенка, Олунда на лошади гонится за львицею; в русской повести царица лишь «со слезами в жалости сердца глагола: „Боже, создателю мой, паки оставил мя?“»¹⁵. Другой пример: римский цесарь Оттон был храбрым рыцарем, помогал своему французскому соседу, кралоу Дагоберту, одолеть египетского султана; царь в Повести о царице и львице лишен черт рыцаря, пассивен, бездеятелен. Например, узнав о приходе в его царство врагов, он «печален бяше, нашедшия ради рати на царство его»¹⁶.

Возможно, Повесть о царице и львице — еще один пример характерного для литературы переходного периода явления, когда традиционные формы житий наполняются новым содержанием. Так, например, как показала Е.К. Ромодановская, автор Повести о царе Аггее рассчитывал сюжетные ходы своего произведения в соответствии с общей идеей и фабулой Жития Алексея, человека Божия¹⁷. Н.С. Демкова установила, что на тип мученического жития ориентировался протопоп Аввакум при создании своей знаменитой автобиографии¹⁸. Для окончательных выводов требуется привлечение и изучение более широкого круга литературных памятников отечественной беллетристики конца XVII в.

С целью сделать увлекательным свое произведение русский писатель ориентировался и на волшебную сказку. Морфологический анализ показал, что Повесть о царице и львице, согласно классификации В.Я. Проппа¹⁹, выстроена как сложная трехходовая сказка с переплетением ходов, когда каждое новое нанесение вреда создает новый ход²⁰. Однако

Повесть о царице и львице лишена сказочной поэтики, поскольку при изображении событий и персонажей автор придерживался стиля, характерного для агиографических произведений, хотя и обогащенного фольклорными мотивами. Совсем не случайно сохранен им эпизод похищения ребенка львицей — это очередное «мучение» и испытание царицы. Тема волшебного помощника также разработана в агиографическом ключе. На «сказочную» львицу писатель возложил функцию быть посланницей Бога и помощницей тому, кому она послана, — царице, так как, помогая ее сыну, львица тем самым помогает и ей самой:

И обрете во острове ис пещеры исходящу львицу и с чадом ея, и питающу младенца, и играющу с ним, и тешашу его. И порадовася царица, яко жив есть сын ея, и благодарив о том и моляше Бога, и пребысть во острове том немало время, прямо зря на чадо свое и на львицу. И по многом времени отиде царица от места того и с чадом своим, а унесенное львицею возложи Богови, во уме своем моляшеся о снабдении сына своего²¹.

Интересно отметить, что крестьянский писатель И.С. Мяндин, создавший в XIX в. особую редакцию Повести о царице и львице²², усиливает мысль своего литературного предшественника о том, что львица подарена царице Богом за ее долготерпение и кротость: «Царица разумевши, яко львица сея Богом послана есть на прокормление отроцати, и прослави Бога»²³.

Своеобразным доказательством религиозно-дидактической направленности Повести о царице и львице может служить ее окружение в сборнике. В рукописях с Повестью содержится большое количество выписок из различных сборников постоянного состава: Звезды Пресветлой, Месяцеслова, Измарагда, Пчелы и т.д. Интересно, что к Звезде Пресветлой — сборнику, посвященному чудесам Богородицы, часто примыкает и наша повесть как очередное чудо Богородицы: царица обращается к Ней с молитвами и получает Ее помощь. (Во многих списках заступничество Божьей Матери отражено уже в самом названии: «Повесть зело полезна, выписана от древних летописцев, из римских кронников, коя царица, моляся Пресвятей Богородице, спасена бысть от смерти».) Почти постоянно присутствие Повести о царице и львице в сборниках агиографического содержания рядом с житиями Алексея, человека Божьего, Бориса и Глеба, Варлаама и Иоасафа, Кирика

и Улиты, Евстафия Плакиды и многими другими. Тему Божьей милости и справедливости, которую испытывает на себе главная героиня произведения, продолжают Повесть о царе Аггее и Повесть о Григории, папе Римском, — покаявшемся и прощенном грешнике.

Таким образом, при анализе художественной структуры повести можно видеть взаимопроникновение образующих ее жанровых элементов. Ее основу составили некоторые сюжетные ходы романа-источника, изложенные в форме жития-мартирия и дополненные сюжетными эпизодами, характерными для волшебной сказки. Это соединение очень органично, что говорит о большом литературном мастерстве автора.

В качестве примеров других «дидактических» редакций позднерусских романов, обработанных в духе религиозно-христианской идеологии, могут служить, в частности, «агиографическая» редакция Повести о Петре Златых Ключей²⁴, Тихонравовская редакция Повести об Аполлонии Тирском²⁵, Первая распространенная редакция Повести о Францеле Венециане²⁶, которые показывают, что процесс обмирщения русской литературы XVII в. не был простым и прямолинейным. И хотя герои русской повести житийно условны, они были близки и понятны демократическому читателю, еще не освоившему до конца не только новые темы, но и новую функцию литературы — быть развлечением.

Главное различие повестей об Оттоне и о царице и львице заключается не столько в сокращении, даже весьма значительном, переводного памятника, сколько в изменении самой идеи и перенесении «центра тяжести» произведения с рыцарских подвигов Флоренса на испытания, выпавшие на долю его матери. По идейно-художественному замыслу русского автора в образе царицы, напрасно гонимой, страдающей, но кроткой, покорной воле Бога, живущей по нормам христианской этики и испытывающей, в конце концов, на себе Божью справедливость, древнерусский читатель должен был увидеть идеал поведения. Описание мучений царицы вполне укладывалось в традиционную схему жития-мартирия, а сказочный сюжет был привлечен, чтобы воплощение авторской идеи было наглядным и красочным, а воздействие на читателя — сильным.

В результате изменений художественная структура Повести об Оттоне и Олунде ока-

залась полностью разрушенной: позднерыцарский роман превратился в религиозную повесть. Повесть о царице и львице имеет значительные сюжетные и, как следствие, композиционные отличия от первоисточника. Нова и оригинальна ее чрезвычайно сложная жанровая природа, характеризующаяся гетерогенностью, где доминантой выступает житие-мartyрий. Использован агиографический метод изображения событий и персонажей, обусловленный христианской идеологией и стремлением русского автора к дидактичности. Сопоставление текстов Повести об Оттоне и Повести о царице и львице приводит к следующему выводу: изменения, осуществленные русским книжником, сделали художественную структуру Повести о царице и львице принципиально отличной от структуры романа-оригинала. Русская версия связана с первоисточником лишь общим сюжетом, точнее его частной темой — об оклеветанной жене. Новизна и оригинальность Повести о царице и львице проявились в ее поэтике.

Русская литература раннего Нового времени опиралась на огромный опыт своих национальных традиций и вследствие этого была готова воспринять новые для себя и по сюжету, и по форме западноевропейские романы. Переводной роман не воспринимался как нечто чуждое, однако уже не умещался в рамки средневековой традиции. В целом, и это одна из отличительных особенностей литературы переходного периода, появление таких повестей означало зарождение беллетристики в точном смысле этого слова, потому что они не имели церковно-служебного и вообще утилитарного назначения. Многочисленные переработки развлекательных повестей показывают, что им было сложно внедриться в литературу средневекового типа с ее прагматичным подходом к каждому тексту, что принципы древнерусской литературы были еще очень востребованы и не утратили своей актуальности.

В Повести о царице и львице отчетливо отразились все противоречия переходной эпохи: светские, занимательные эпизоды соседствуют с христианско-дидактическими, заимствованная фабула переплетается с сюжетом русских сказок, жанровые элементы западноевропейского романа — с исконно русской воинской повестью. Благодаря увлекательному сюжету, с одной стороны, и «душеполезности» — с другой, повесть удовлетворяла самым разным, в том числе и новым

читательским вкусам. Повесть о царице и львице стала важным этапом на пути древнерусской литературы к беллетристике, исследование этого произведения позволяет воссоздать общую картину историко-литературных явлений и процессов XVII в. — переходной эпохи от Средневековья к Новому времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Повесть о царице и львице была мне предложена для изучения Е.К. Ромодановской в теперь уже далеком 1979 г. Причем Елена Константиновна дала сразу несколько тем, чтобы я выбрала наиболее интересную. Так, уже с самых первых шагов студенческих изысканий она, как опытный и мудрый педагог, предоставляла нам научную самостоятельность, которую мы пытались и дальше развивать на проводимом Е.К. Ромодановской семинаре по русской литературе XVII в. Этот семинар благодаря стараниям нашего руководителя выходил далеко за рамки обычной учебной программы, став для нас окном в большую науку.

² Ромодановская Е.К. Русская литература на пороге нового времени: Пути формирования русской беллетристики переходного периода. Новосибирск, 1994. С. 7.

³ Буланин Д.М. Древняя Русь // История русской переводной художественной литературы. СПб., 1995. С. 65.

⁴ Там же. С. 63.

⁵ Панченко А.М. Основные направления в беллетристике XVII в. // Истоки русской беллетристики. Л., 1970. С. 480–486.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Николаев С.И. Польско-русские литературные связи XVI–XVIII вв.: Библиографические материалы. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 131–132.

⁹ Ромодановская Е.К. Западные сборники и оригинальная русская повесть (К вопросу о русификации заимствованных сюжетов в литературе XVII — начала XVIII в.) // ТОДРЛ. Т. 33. Л., 1977. С. 173.

¹⁰ Адрианова-Перетц В.П. Сюжетное повествование в житийных памятниках XI–XIII вв. // Истоки русской беллетристики. Л., 1970. С. 67–68.

¹¹ Демкова Н.С. О жанровой ориентации автобиографических житий протопопа Аввакума и инока Епифания // Поэтика русской литературы в историко-культурном контексте. Новосибирск, 2008. С. 80.

¹² Повесть о царице и львице / Подгот. текста и коммент. Т. Чалковой // Памятники литературы Древней Руси. XVII в. М., 1988. С. 441.

- ¹³ Там же.
- ¹⁴ *Адрианова-Перетц В.П.* Апокрифы // История русской литературы: В 10 т. М.; Л., 1941. Т. 1: Литература XI — начала XIII века. С. 71–86; *Белоброва О.А., Творогов О.В.* Переводная беллетристика XI–XIII вв. // Истоки русской беллетристики. С. 149–151.
- ¹⁵ Повесть о царице и львице. С. 431.
- ¹⁶ Там же. С. 435.
- ¹⁷ *Ромодановская Е.К.* Повести о гордом царе в рукописной традиции XVII–XIX веков. Новосибирск, 1985. С. 82–84.
- ¹⁸ *Демкова Н.С.* О жанровой ориентации автобиографических житий... С. 74–75.
- ¹⁹ *Пропп В.Я.* Морфология сказки. М., 1969.
- ²⁰ *Чалкова Т.Ф.* О структуре и жанровой специфике Повести о царице и львице // Памятники литературы и общественной мысли эпохи феодализма. Новосибирск, 1985. С. 107–108.
- ²¹ Повесть о царице и львице. С. 432.
- ²² *Чалкова Т.Ф.* Повесть о царице и львице в обработке И.С. Мяндина // Литература и классовая борьба эпохи позднего феодализма в России. Новосибирск, 1987. С. 234–248.
- ²³ ИРЛИ, Усть-Цилемское собр., № 66, л. 36.
- ²⁴ *Кузьмина В.Д.* Рыцарский роман на Руси: Бова, Петр Златых Ключей. М., 1964. С. 275–331.
- ²⁵ *Соколова Л.В.* Литературная история Повести об Аполлонии Тирском: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1982. С. 10–12.
- ²⁶ *Ансит Т.Н.* Повесть о Францеле Венециане — памятник русской литературы первой трети XVIII в.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1985. С. 7.